

Ольга Шиллинг
Евгения Близкая

ШЕЙХ
ПРИНАДЛЕЖИТ
МНЕ

Евгения Близкая

Шейх принадлежит мне

«Автор»

«Автор»

2026

Близкая Е.

Шейх принадлежит мне / Е. Близкая — «Автор», «Автор», 2026

Диана Ветрова — блестящий хирург-орнитолог, привыкшая контролировать всё. Но в пустыне Эмиратов её похищают, и она попадает в руки шейха Тарика аль-Мансура — властного альфы, уверенного, что всё на его песках принадлежит ему. Между пленом и страстью, интригами гарема и смертельными турнирами Диана борется за свободу — и за жизнь мужчины, который стал её клеткой и судьбой. Восточная сказка о гордой героине и безжалостном шейхе, укротившем своё сердце.

© Близкая Е., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Ольга Шиллинг

Шейх принадлежит мне

Шейх принадлежит мне

Ольга Шиллинг

Евгения Близкая

Глава 1

Я стояла у стального стола, аккуратно препарируя перепелку скальпелем. Мой пациент, великолепный сокол-сапсан с поврежденным маховым оперением, сидел на присаде в углу и внимательно следил за каждым моим движением своими немигающими, янтарными глазами. Я любила этих птиц за их честность. С хищником всё решалось открыто. Он либо доверяет тебе, либо рвет твою плоть. С людьми все было гораздо сложнее.

Воздух в питомнике был прохладным и пах дезинфицирующим раствором. Мерное гудение кондиционера успокаивало, заглушая яростное дыхание пустыни за толстыми стеклами окон. Это была моя территория. Моя зона абсолютного контроля. Я, Диана Ветрова, ведущий европейский хирург-орнитолог лондонского центра охраны хищных птиц, приехала в Эмираты по полугодовому контракту для работы с элитными соколами арабских заводчиков. Запах медицинского спирта, йода и сырого мяса смешивался в привычный, почти родной коктейль.

Резкий, оглушительный звон бьющегося стекла разорвал тишину.

Окно процедурной комнаты разлетелось вдребезги, осыпав кафельный пол сверкающим дождем. Сквозь разбитое окно хлынул раскаленный, сухой воздух. Я вдохнула пыль и закашлялась. Я замерла, инстинктивно сжав рукоять скальпеля, когда в проем, ломая алюминиевую раму, ворвались трое мужчин.

Вооруженный отряд. Черная тактическая форма, кевларовые бронежилеты, пыльные ботинки военного образца и укороченные автоматы в руках. Они двигались с пугающей, слаженной эффективностью профессионалов, привыкших убивать.

Я стиснула зубы, сберегая дыхание. Взгляд метнулся к задней двери, затем к тяжелой клетке на столе. Ближайший наемник, крупный мужчина с изуродованным шрамом подбородком, бросился ко мне, протягивая руки в тактических перчатках.

Вместо того чтобы отступить, я схватила со стола тяжелую стальную клетку-переноску и с разворота, вложив в удар весь вес своего тела, обрушила ее ему в лицо.

Металл с тошнотворным хрустом врезался в переносицу наемника. Он глухо взвыл, пошатнувшись и заливая форму кровью из сломанного носа. Этот секундный хаос дал мне шанс. Я бросила клетку и рванула к задней двери, ведущей на внутренний двор.

Солнце ослепило меня белой, безжалостной вспышкой. Жар обжег кожу. Мой внедорожник стоял в десяти метрах. Пальцы уже нащупали ключи в кармане халата. Пять метров. Три метра. Моя рука легла на раскаленную дверную ручку.

Грохот выстрела из дробовика ударил по ушам. Переднее колесо моего джипа взорвалось фонтаном черной резины и пыли, машина тяжело осела на диск.

Я резко обернулась. Главарь наемников, неторопливо опуская дымящийся ствол, криво усмехнулся. Из дверей клиники уже выбегали двое других.

Прежде чем я успела сделать хоть шаг, тяжелые руки схватили меня сзади, грубо заломив руки за спину. Я сопротивлялась с яростью загнанного зверя — била ногами, извивалась, пыталась ударить затылком в лицо державшего меня человека. Но их было слишком много, а их сила превосходила мою в разы.

Меня с силой швырнули на раскаленный капот чужого внедорожника, выбивая воздух из легких. Жесткий пластик строительной стяжки мертвой петлей врезался в мои запястья, стягивая их до онемения пальцев.

— В багажник ее. И сумку врача заberi, — хрипло бросил главарь.

Меня подхватили, как мешок с песком, и швырнули в пыльное нутро багажника. Металлическая дверь с лязгом захлопнулась, погрузив меня в душливую, провонявшую бензином и пылью темноту.

Двигатель взревел. Машина резко рванула с места, отбросив меня на жесткий металлический пол. Паника, липкая и холодная, попыталась сжать мое горло, но я заставила себя сделать медленный, глубокий вдох. Паника убивает. Мне нужен холодный рассудок.

— Послушайте меня! — мой голос дрожал от тряски, но я заставила его звучать громко и отчетливо. — Какую бы сумму вам ни обещали, моя клиника в Европе переведет вдвое больше. Назовите свою цену!

С переднего сиденья раздался грубый смех. Главарь повернул голову, глядя на меня сквозь металлическую сетку, разделяющую салон. Его глаза были пустыми и жестокими.

— Ты уже куплена, птичка, — оскалился он. — А наш заказчик не любит, когда ему возвращают товар.

Слова ударили под дых сильнее, чем бросок на капот. Меня везли конкретному заказчику. Кто-то влиятельный, кто-то достаточно богатый, чтобы нанять первоклассных головорезов, захотел получить меня. Кому понадобилась врач соколов — и зачем везти меня связанной? Осознание того, что я стала пешкой в чужой кровавой игре, ледяной волной прокатилось по позвоночнику.

Я заставила себя отодвинуться от сетки. Мои руки были туго стянуты за спиной, пластик врезался в кожу до крови при малейшем движении. Я ощупала пол багажника слепыми, онемевшими пальцами. Металл. Пыль. И вдруг — выступающий болт крепления заднего сиденья. Его край был обломан и неприятно остер.

Надежда, крошечная и отчаянная, вспыхнула в груди. Я прижалась спиной к сиденью, нащупав болт пластиковой петлей стяжки, и начала тереть. Вверх-вниз. Вверх-вниз. Это было мучительно медленно. Пластик скользил, врезаясь еще глубже в мои растерзанные запястья, кровь делала петлю скользкой.

Внедорожник подбросило на бархане. Я не удержалась и глухо застонала, ударившись плечом о стенку.

Охранник на заднем сиденье резко обернулся. В его руке блеснуло дуло пистолета. Он просунул руку сквозь крупную ячейку сетки и наотмашь ударил меня рукоятью по лицу.

Вспышка боли ослепила меня. Скулу обожгло огнем, во рту мгновенно появился солоноватый привкус крови. Я позволила своему телу обмякнуть, тяжело завалившись на бок, закрыв глаза и притворившись потерявшей сознание.

— Заткнись, — сплюнул наемник, отворачиваясь.

Лежа на боку, задыхаясь, я изо всех сил дернула руки в разные стороны. Истерзанный пластик стяжки не выдержал напряжения и с тихим щелчком лопнул. Мои руки были свободны. Я оставила их за спиной, чтобы не выдать себя, пока мое сердце колотилось о ребра, как сумасшедшее. Скальпель остался в кармане халата. Нужно дотянуться до него — и дожидаться момента, когда они остановятся.

Но момент настал совершенно иначе.

Ужасающий визг тормозов разорвал тишину салона. Внедорожник резко бросило в юз. Меня швырнуло на сетку, выбивая воздух. Раздался оглушительный взрыв — лопнуло переднее колесо. Машина, закрутившись в облаке песка, тяжело врезалась во что-то каменное и замерла.

Снаружи раздались крики. Я вслушалась, ловя знакомые слова: полиция, помощь. Сквозь стрельбу прорывались гортанные крики на незнакомом диалекте, пронзительный свист и глухой топот десятков копыт.

Автоматные очереди разорвали воздух. Я осторожно приоткрыла глаза и выглянула в запыленное окно багажника.

То, что я увидела, заставило кровь застыть в жилах. Из вихрей песка, словно призраки из древних легенд, вынырнули всадники. Они сидели на массивных, вороных арабских скакунах.

Их лица были скрыты черными куфиями, виднелись лишь горящие безжалостным огнем глаза. Всадники окружили внедорожник и били с нескольких сторон сразу.

Наемники, профессиональные убийцы с современным оружием, падали один за другим под ударами изогнутых клинков и выстрелами из старых, но смертоносных винтовок. Всадники двигались с первобытной, устрашающей эффективностью.

В разбитый замок ударили снаружи. Задняя дверь внедорожника рывком распахнулась; перекошенная петля заскрежетала. В проеме появился высокий мужчина в развевающихся черных одеждах. Он потянулся ко мне рукой.

Адреналин ударил в голову. Сгруппировавшись, я выбросила ногу вперед, метя тяжелым ботинком прямо ему в кадык.

Бедуин перехватил мою лодыжку в воздухе. Его хватка была подобна стальным тискам. Он смерил меня взглядом, словно прикидывал, сколько хлопот доставит добыча.

— Малик! Сюда! — окликнули его снаружи.

Одним мощным рывком он выдернул меня из машины. Я рухнула на колени в обжигающе горячий песок, сдирая кожу в кровь.

Запах железа, сгоревшего пороха и горячей лошадиной крови ударил в ноздри. Наемники были мертвы. Пыль медленно оседала.

Толпа всадников в абсолютной тишине расступилась, образуя коридор.

Он выехал вперед на жеребце, черном, как сама ночь, — гигантском вороном скакуне. Мужчина в седле был огромен. Его широкие плечи скрывал плотный плащ, сотканный из темной шерсти.

— Дорогу эмиру Тарику! — крикнул один из всадников.

Тарик аль-Мансур. Имя правителя Великого Оазиса я слышала от заводчиков, привозивших ко мне птиц. От него исходила аура такой подавляющей, абсолютной власти, что воздух вокруг, казалось, стал плотнее, наполнившись запахом озона перед сокрушительной грозой.

Я заставила себя подняться с колен. Мои ноги дрожали, но я выпрямила спину, вздернув подбородок.

— Я гражданка своей страны! — я сорвалась на хрип, выкрикивая слова ему в лицо. Я отказывалась быть овцой на заклании. — Я требую связи с консулом! Вы не имеете права!

Мужчина натянул поводья. Жеребец всхрапнул, обдав мое лицо горячим влажным дыханием, и остановился в полуметре от меня. Всадник медленно наклонился с седла.

Его черные глаза задержались на разбитой скуле, на запястьях, затем снова встретились с моими. Он осматривал меня как собственник. От этого взгляда хотелось прикрыть даже раны.

— Здесь нет стран, — его голос оказался глубоким, низким, вибрирующим где-то внутри моей собственной грудной клетки. Это был голос человека, не знающего слова «нет». — Здесь есть только мои пески.

Он обвел взглядом убитых наемников, а затем снова посмотрел на меня, и в этом взгляде было нечто более пугающее, чем ствол пистолета.

— И то, что находится на моих песках... принадлежит мне.

Слова прозвучали как приговор. Закон государств здесь не работал. Я только что перешла из рук исполнителей к тому, кто играл по древним, кровавым правилам пустыни. К абсолютному альфе этого жестокого мира. Эмиру Тарику. И он только что объявил на меня "право песков".

До вечера меня везли среди всадников. За каждым поворотом я искала дорогу, огни, хоть один дом — и видела новые дюны.

Ночь обрушилась на пустыню мгновенно, сменив испепеляющий жар на пронизывающий до костей холод. Лагерь разбили у подножия острых, как зубы дракона, скал. Костров не разводили из соображений безопасности. Лишь холодный, безразличный свет мириад звезд освещал черные силуэты шатров.

Я сидела на ледяном песке, прижав колени к груди. Мои запястья саднили, ссадины на ногах пульсировали тупой болью. Руки оставили свободными. По краям лагеря стояли дозорные, а за ними лежала ночная пустыня; я всматривалась в неё и понимала, что погибну раньше, чем найду воду. Я была пленницей пространства.

Внезапный шум в центре лагеря заставил меня поднять голову.

Эмир Тарик стоял в окружении своих лучших воинов во главе с Маликом. На его защищенной толстой кожаной перчаткой руке бился великолепный белоснежный сокол-балобан.

— Наджм, тихо, — повторял Тарик. Звезда. Красивое имя для птицы, чьи перья теперь пачкала кровь. Одно крыло свисало, из раны капало на песок. Очевидно, сокол пострадал во время перестрелки.

Птица издавала хриплые, панические крики, отчаянно пытаясь взлететь и раздирая мощным клювом толстую кожу перчатки Эмира. Воины вокруг него топтались на месте, растерянные. Один попытался придержать сломанное крыло, но отпрянул от клюва. Второй беспомощно развел руками.

Мои профессиональные инстинкты сработали быстрее страха. Я уже оценивала положение крыла, частоту дыхания, кровь на перьях: передо мной был пациент, и счет шел на минуты.

Мой страх мог подождать. Птица умирала сейчас.

Глава 2

Я поднялась и решительно зашагала к центру лагеря.

— Он умрет от шока, если вы позволите ему так биться, — мой голос разрезал напряженную тишину. — Дай его мне.

Эмир медленно повернул голову. Его темный взгляд скользнул по моей растрепанной фигуре, по испачканному кровью халату. Углы его губ дрогнули в снисходительной, опасной усмешке.

— Женщина, — произнес он с обманчивой мягкостью, от которой мурашки побежали по спине, — будет указывать мне, как обращаться с хозяином неба?

— Я врач, — резко ответила я, игнорируя то, как сразу несколько охранников вскинули автоматы, направив черные дула мне в грудь.

Я подошла вплотную, оказавшись на расстоянии вытянутой руки от человека, одним словом решавшего, жить мне или умереть. Я чувствовала исходящий от него жар и запах горького миндаля и пороха.

Эмир поднял свободную руку, едва заметно шевельнув пальцами. Автоматы мгновенно опустились. Он смотрел на меня с хищным любопытством. В усмешке я прочитала ожидание: посмотрим, как справишься.

Я протянула руки. Балобан, почувствовав чужое движение, яростно бросился вперед. Его изогнутый клюв с силой вонзился мне в предплечье.

Боль вспыхнула мгновенно. Горячая кровь брызнула из глубокой раны, заливая рукав. Я удержала руку на месте, стиснув зубы так, что заболела челюсть. Если я покажу страх — птица запаникует еще больше. Если я покажу боль — мужчина, наблюдающий за мной, поймет, что я слаба.

Сжав челюсти, я заговорила с птицей вполголоса, протягивая привычные соколам звуки. Одновременно, одним быстрым движением, я прижала здоровое крыло к боку птицы, оставляя грудной клетке свободу для дыхания, а второй рукой перехватила смертоносные лапы.

Это был профессиональный захват. Дикая птица, секунду назад готовая убивать, внезапно замерла. Я надежно удерживала лапы и крылья. Сокол тяжело дышал, постепенно затихая.

Тишина в лагере стала звенящей. Десятки суровых воинов смотрели на меня с открытыми ртами.

— Мне нужна моя медицинская сумка. Она осталась в том джипе, который вы разбили, — произнесла я, следя за дыханием птицы.

— Нет, — ответил Эмир, задержав взгляд на моей протянутой руке.

Я стиснула зубы. Он отказал сразу, при всех. Смотрел, как я выкручусь.

— Как скажешь, — процедила я.

Я опустилась на колени, бережно уложив птицу на песок. Схватив зубами край своего испорченного шелкового шарфа, я резким рывком оторвала длинную полосу ткани. Подняв глаза на ближайшего стражника, я властно протянула руку.

— Воду. Живо.

Я протянула ладонь к фляге, как протягивала ее ассистенту за инструментом. Охранник, суровый бородатый воин, на мгновение опешил, перевел вопросительный взгляд на Эмира, но, не дождавшись запрета, торопливо отцепил от пояса кожаную флягу и полил воду на крыло птицы.

Я быстро промыла рану, осторожно поддержала поврежденное крыло и зафиксировала его шелковой лентой, оставив грудь свободной. Сокол тихо пискнул. Для настоящей обработки нужны были инструменты и обезболивание; сейчас я выиграла ему время.

Только закончив, я подняла взгляд на Эмира. Он смотрел на меня сверху вниз. Снисходительность исчезла из его глаз без следа.

— Где ты этому научилась? И как твое имя, женщина? — его голос звучал глухо, брови сошлись на переносице.

— Диана. Доктор Диана Ветрова, — ответила я, поднимаясь на ноги и глядя ему прямо в глаза с ледяным презрением. — А научилась в лондонском университете, а не в шатрах, где инфекцию пытаются лечить молитвами и заклинаниями. Еще час с такой кровопотерей и открытой раной, и ты бы потерял Наджма, который стоит больше, чем весь твой обоз.

Он сделал шаг ко мне. Его огромная фигура заслонила свет звезд. Воздух между нами уплотнился, стал тяжелым, обжигающим. Я вдавила пятки в песок и вскинула подбородок, принимая вызов.

Я ждала удара. Ждала ярости за оскорбление.

Но в его черных глазах вспыхнул совершенно иной огонь. Угол его рта приподнялся, взгляд задержался на моих губах. Он смотрел на меня с хищным, первобытным восхищением — и от этого я напряглась сильнее, чем от угрозы.

— Я выполнила свою работу, — я выговорила каждое слово, хотя внутри все сжималось от близости этого мужчины. — Теперь мне нужна вода для промывки моей собственной раны. Нормальная еда. И место для сна, где твои головорезы не будут пялиться на меня, как на кусок мяса.

Напряжение висело в воздухе, густое, как патока. Он мог приказать убить меня за одно только это требование.

Но Эмир лишь медленно склонил голову. Он бросил короткую, резкую фразу на арабском.

Меньше чем через десять минут в стороне от общего лагеря для меня был установлен лучший, самый плотный шатер из верблюжьей шерсти. Внутри стоял кувшин с чистой водой и лежали теплые шкуры.

Я вошла внутрь и тяжело опустилась на ковры. Сердце билось где-то в горле. Я только что бросила вызов самому опасному человеку в этой пустыне — и выиграла раунд. За пологом слышались шаги охраны.

На пороге появился Малик и положил мою медицинскую сумку. Я узнала потертый ремень, проверила застежку: лекарства и инструменты были на месте.

— Нашли в багажнике, — сказал он. — Повелитель приказал отдать.

Значит, сумку везли с нами весь день. Тарик мог дать её сразу — и выбрал отказ. Я обработала укус на руке; затем под присмотром Малика ввела Наджму обезболивающее и закрепила на крыле шину. Только после этого меня оставили одну.

Я подошла к входу и, напрягая все силы, притащила два тяжелых конских седла и массивный деревянный сундук, забаррикадировав полог изнутри. Затем я села в центре шатра, подтянув колени к груди. В моей правой руке был крепко зажат хирургический скальпель — тот самый, который я успела сунуть в карман еще в клинике. Это было смешное оружие против вооруженного отряда, но оно давало иллюзию контроля.

Я ждала.

Прошел час. Тишина пустыни давила на уши. И вдруг — мягкий, едва слышный звук разрываемой ткани.

Звук шел из-за моей спины. Седла и сундук по-прежнему подпирали вход.

Я резко обернулась, вскидывая скальпель. Задняя стенка шатра разошлась надвое с тихим треском — бритвенно-острое лезвие кинжала распорол плотную шерсть. В образовавшуюся щель скользнула тень.

Эмир шагнул внутрь. Мрак шатра, казалось, льнул к его широким плечам. Он двигался с пугающей, невозможной для такого огромного мужчины бесшумностью.

Я вскочила на ноги, выставив лезвие скальпеля перед собой. Костяшки пальцев побелели от напряжения.

Убрав кинжал, он пошел на меня, сокращая расстояние быстрее, чем я успела сделать вдох. Я сделала выпад, но его реакция была нечеловеческой. Его рука метнулась вперед, пальцы сомкнулись на моем запястье.

Он удерживал мое запястье, и каждый рывок только сильнее натягивал кожу под его пальцами. Легкий, почти незаметный поворот кисти — и мои пальцы разжались сами собой. Скальпель с глухим стуком упал на толстый ковер.

Я оказалась полностью безоружной. Эмир шагнул вплотную. Его необъятная грудь почти касалась меня. Запах пустыни, горячей кожи и дикой, ничем не сдерживаемой мужской силы ударил в голову, заставляя мысли путаться. Сердце колотилось так яростно, что, казалось, сейчас сломает ребра.

Он медленно поднял свободную руку. Я зажмурилась, ожидая пощечины или захвата за горло. Но вместо этого его шершавый, мозолистый большой палец едва ощутимо скользнул по моей скуле, прямо по тому месту, где наливался багровым синяк от удара наемника.

В этом прикосновении была обжигающая, пугающая нежность собственника, обнаружившего царапину на своем драгоценном трофее.

— Для меня не существует преград, хабибти, — прошептал он. Его голос обволакивал, проникал под кожу, заставляя кровь пульсировать тяжелыми толчками. Арабское слово «моя любимая» в его устах звучало не как признание, а как клеймо.

Он смотрел мне в глаза еще секунду, его тело обдавало меня жаром, от которого перехватывало дыхание. А затем он просто разжал пальцы на моем запястье. Развернулся и молча вышел в ту же прорезь в шатре, растворившись в ночной темноте.

Я осталась дрожать посреди шатра, рядом с моей бесполезной баррикадой. На задней стенке шатра зиял разрез — его ответ на мою попытку защититься. Я принадлежу ему, и он возьмет свое тогда, когда сам этого захочет.

Когда дрожь унялась, я подобрала скальпель с ковра и спрятала во внутренний карман поясной ленты. Медицинскую сумку устроила под головой. До рассвета я просыпалась от каждого шороха за прорезанной стенкой.

Утро встретило нас желтым, удушливым туманом. Воздух стоял неподвижно, тяжелый, как свинец. В лагере царила напряженная суeta. Разведчики донесли: люди враждебного шейха, те самые, что наняли головорезов для моего похищения, идут по нашему следу.

Чтобы оторваться, Эмир принял решение изменить маршрут. Мы уходили в «Море Смерти» — гибельную пустошь дюн, куда не сошелся ни один караван.

Когда мне подвели низкорослую, тощую лошадь для поклажи, я смерила ее ледяным взглядом, а затем перевела глаза на бесконечный, слепящий океан белого песка, уходящий за горизонт.

— Я не пойду в это пекло пешком или на этой кляче, — произнесла я, указав подошедшему Эмиру на сбитую холку животного. — Я не верблюды. Я умру через десять километров.

Эмир шагнул ко мне, его огромные руки обхватили меня за талию. Прежде чем я успела возмутиться, он с легкостью, одним рывком поднял меня в воздух и перебросил поперек седла своего гигантского черного жеребца.

— Шайтан, тихо, — бросил он жеребцу и взлетел в седло, усаживая меня прямо перед собой.

Только теперь я узнала кличку его коня.

Моя спина впечаталась в его твердую, как камень, грудь. Его мускулистые бедра плотно зажали мои ноги по бокам. Он протянул руки вперед, перехватывая поводья, и тем самым полностью, бескомпромиссно заключил меня в кольцо своего тела.

Жар, исходивший от него, соперничал с жаром солнца. Каждое движение скакуна, каждый шаг по вязкому песку заставлял наши тела тереться друг о друга. Это было невыносимо интимно, удушающе близко. Я напрягла спину, пытаюсь отодвинуться, сохранить хотя бы миллиметр личного пространства, но отступать было некуда. Я сидела в капкане из литых мышц и дикой, животной энергетики альфы.

К полудню температура перевалила за пятьдесят градусов. Воздух дрожал и плавился. Мои губы потрескались до крови, горло превратилось в пересохший наждак. Моя собственная маленькая фляга опустела еще пару часов назад.

Рядом с нами ехал один из гвардейцев. На его седле висел пузатый кожаный бурдюк с водой. Влага проступала на темной коже, маняще поблескивая. Сводимая с ума жаждой, я инстинктивно протянула руку к его бурдюку.

Гвардеец заметил мое движение. Его глаза вспыхнули гневом. Чужачка не имела права трогать воду воина. Он перехватил древко своего копья и с размаху ударил тупым концом по моим потянувшимся пальцам.

Удар был болезненным. Я вскрикнула, прижимая ушибленную руку к груди.

Свист рассекаемого воздуха оглушил меня.

Длинный кожаный хлыст Эмира змеей метнулся вперед и с жутким, влажным хрустом опустился на плечи ударившего меня гвардейца. Толстая ткань его одежды лопнула, на спине мгновенно проступила кровавая полоса. Воин сдавленно застонал, едва не вылетев из седла.

— Не смей трогать то, что принадлежит мне, — прорычал Эмир. Он произнес это сквозь стиснутые зубы; ехавшие рядом воины втянули головы в плечи.

Он сунул хлыст в крепление у луки и отцепил от своего седла собственный бурдюк и зубами вырвал деревянную пробку. Он властно обхватил мой подбородок жесткими пальцами, запрокинул мою голову назад и прижал горлышко к моим пересохшим губам, заставляя пить.

Вода была нагретой, отдавала дубленой кожей, но в тот момент она казалась мне слаще нектара. Я жадно глотала, пока капли стекали по моему подбородку и шее. Эмир смотрел на пульсирующую вену на моем горле, на мои глотательные движения, и его черные глаза горели темным, собственническим пламенем. Он напоил меня из своих рук, демонстрируя всему отряду, что моя жизнь и моя безопасность — это его личная монополия.

Ближе к вечеру желтое небо приобрело пугающий, синюшно-багровый оттенок. Ветер, до этого обжигавший лицо, вдруг завыл тысячей голосов.

Глава 3

— Самум! — истошно закричал кто-то из разведчиков впереди.

Песчаная буря.

Отряд мгновенно охватила паника. Лошади испуганно ржали, вставая на дыбы. Мир исчез, потонув в ревущей, плотной стене летящего песка, который сек кожу, как наждачная бумага.

Эмир спешил, стаскивая меня с седла. Я натянула шарф на нос и рот, задыхаясь от пыли. Сквозь рев бури я увидела, как выючная лошадь в панике рвется в сторону обрыва. Я бросилась к ней, перехватывая болтающийся повод, и потянула животное к укрытию под нависающей скалой.

Сквозь свист ветра я услышала жуткий, ломающий звук.

Я подняла голову. Каменный козырек скалы надо мной пошел трещинами. Из трещины сыпалась крошка, ветер швырял ее мне в лицо. Огромная стена камней, весом в тонны, медленно отделялась от скалы и кренилась прямо на меня.

Я застыла. Бежать было поздно.

Мощный, сокрушительный удар в плечо швырнул меня в сторону. Я потеряла равновесие и рухнула на песок; Тарик увлек меня перекатом под скальный выступ. Грохот падающих камней заглушил даже вой бури. Земля содрогнулась.

Я попыталась подняться, но поняла, что прижата к земле. Эмир лежал на мне. Камни ударили там, где я только что стояла. Теперь он накрывал меня своим огромным телом, полностью заслоняя от летящего песка и мелких осколков камня. Его плотный плащ образовал над нами непроницаемый купол.

Я оказалась в темноте, зажата между жестким песком и литыми мышцами его тела. Его бедра прижимали мои к земле, его грудь тяжело вздымалась, вжимаясь в мою при каждом вдохе. В этой тесноте, под воем смертоносной бури, его близость обрушилась на меня во всей своей ошеломляющей мощи. Запах его пота, горячего металла и терпкого мускуса заполнял легкие.

Я вцепилась в его плащ и прижалась к его груди. В этот момент, когда мир вокруг рушился, он был моим единственным щитом. Абсолютной, непробиваемой стеной из плоти и костей, которая приняла на себя удар стихии, чтобы я могла дышать.

— Пусти, — хрипло выдохнула я, упираясь ладонями в его твердую грудь, пытаюсь справиться с охватившей меня дрожью. — Я могу встать.

Он приподнялся на локтях, нависая надо мной. В полумраке под плащом его глаза блески опасным, завораживающим светом.

— Лежи тихо, — процедил он, его горячее дыхание обожгло мою щеку.

И тут сквозь рев самума прорвались сухие, резкие щелчки.

Выстрелы.

Люди враждебного шейха оказались фанатиками. Они настигли нас даже в бурю. Пули защелкали по скалам вокруг нашего укрытия, выбивая каменную крошку.

Эмир глухо выругался на арабском. Он сунул руку за пазуху и извлек небольшой черный пульт с единственной красной кнопкой. Детонатор. Значит, отряд оставил заряды в узком проходе, через который мы только что прошли; теперь я поняла, зачем несколько всадников задерживались у скал.

Он нажал кнопку.

Глухой, утробный взрыв сотряс землю так, что мои зубы лязгнули. Эхо многократно отразилось от скал. Эмир хладнокровно подорвал своды ущелья позади нас, обрушив тысячи тонн камня на преследователей и завалив проход за нашим отрядом.

Когда буря начала стихать, оставляя после себя лишь пыльную взвесь, мы выбрались из-под плаща. Реальность ударила наотмашь: на песке стонали несколько воинов Эмира. Осколки скал и шальные пули наемников нашли свои цели. Кровь впитывалась в жадный песок.

Я бросилась к выючной лошади, на чьем седле Малик закрепил мою медицинскую сумку, сорвала ее с ремня и побежала к раненым.

Железная хватка сомкнулась на моем запястье, останавливая меня на бегу. Эмир. Его взгляд буравил меня насквозь.

— Побежишь? — бросил он, кивнув в сторону открытой пустыни, свободной от бури.

— Куда? На корм шакалам? — огрызнулась я, пытаюсь вырвать руку. — Я клянусь, что не побегу. А теперь пусти меня, твои люди истекают кровью!

Он смотрел мне в глаза долгую, мучительную секунду, взвешивая мою правду. Затем его пальцы разжались.

Я упала на колени рядом с первым раненым. Молодой парень — товарищи звали его Рашидом — задыхался от шока. Осколок камня глубоко рассек его бедро. Кровь била пульсирующими толчками. Артериальное кровотечение. Мои руки работали на автомате, забыв о страхе. Жгут. Скальпель. Зажимы. Шелк. Я зажала поврежденный сосуд и наложила швы, пока Малик удерживал ногу Рашида. Затем закрыла рану повязкой. На песке, в пыли, я могла лишь остановить кровотечение и выиграть время до помощи в оазисе.

Один за другим. Я останавливала кровь, промывала раны чистым раствором, обрабатывала кожу вокруг йодом, накладывала тугие повязки. Воины, суровые мужчины, привыкшие к схваткам, терпели боль без единого звука. Но смотрели они на меня теперь совершенно иначе. Один придерживал мне сумку, другой подавал воду. В их глазах светилось глубокое, почти мистическое благоговение.

Когда я закончила с последним, я вытерла окровавленные руки о подол своего халата и тяжело поднялась, вытирая пот со лба.

Я обернулась и встретилась взглядом с Эмиром. Он стоял на небольшом возвышении, наблюдая за мной. Раненый воин поймал край моего халата и благодарно прижал к губам. Тарик перевел взгляд с него на меня. Я сдержала слово, и теперь это знали оба. Что-то неуловимо, но фундаментально изменилось в расстановке наших сил на этой выжженной земле.

На ночь раненых уложили между выюками; я несколько раз подходила к Рашиду, проверяя повязку и пульс. К рассвету он смог выпить воды, и только тогда я позволила себе закрыть глаза.

На следующий день караван втянулся в узкое, извилистое ущелье красных скал. Тишина здесь была неестественной, давящей. Волоски на моих руках встали дыбом от дурного предчувствия.

А затем стены ущелья взорвались огнем.

Засада. Те наемники, что обошли завал, или их подкрепление, ждали нас на верхних гребнях. Сверху обрушился шквал пулеметного огня. Следом полетели гранаты, разрываясь с оглушительным грохотом и осыпая нас смертоносной шрапнелью и осколками камня.

Черный жеребец Эмира, на котором я снова ехала, в панике пронзительно заржал и встал на дыбы, отчаянно молотя передними копытами воздух.

Я потеряла равновесие и с криком соскользнула из седла, тяжело рухнув на острые камни. Лошадь забилась надо мной, ее копыта обрушивались в считанных сантиметрах от моей головы.

Темная тень метнулась сверху. Эмир спрыгнул с седла, схватил меня за плечи и увлек перекатом за тушу убитой выючной лошади. Он снова закрыл меня собой, вжимая в камни. Свинец крошил скалы над нашими головами в белую пыль.

Он выхватил из-за пояса тяжелый пистолет и, не поднимаясь, начал методично отстреливаться, прикрывая отход своих людей.

Внезапно краем глаза я уловила движение. С низкого карниза прямо за нашей спиной бесшумно спрыгнул наемник в камуфляже. Эмир был занят стрелками сверху и не видел его. Наемник вскинул штурмовую винтовку, целясь в затылок Эмира в упор.

Инстинкт выживания отключил страх. Я схватила первый попавшийся под руку увесистый, неровный булыжник размером с дыню и, вложив в бросок всю свою силу, швырнула его прямо в лицо наемнику.

Камень с глухим стуком врезался в край каски. Голова наемника дернулась назад. Очередь из его автомата ушла в небо, высекая искры из скалы.

Этой миллисекундной заминки оказалось достаточно. Эмир молниеносно развернулся на коленях. В его другой руке уже блестел изогнутый дамаский клинок. Одним текучим, ужасающим в своей грации движением он снизу вверх распорол горло наемнику. Горячая, липкая кровь брызнула мне на лицо и руки.

Эмир развернулся обратно к бою; тело наемника осело у его колен. Но в этот момент его тело дернулось, словно от сильного удара невидимой кувалдой. Из рта вырвался глухой рык.

Пуля прошла его левое плечо навылет. Кровь хлынула из раны, мгновенно пропитывая черную ткань плаща.

— Ты ранен! — закричала я, в ужасе бросаясь к нему, пытаюсь прижать ткань к кровоточащему плечу.

Он грубо оттолкнул меня здоровой рукой.

— В укрытие! — прорычал он, лицо исказила маска первобытной ярости. Он отказался падать. Игнорируя хлещущую кровь, он продолжил вести огонь из пистолета одной рукой, выкрикивая команды на арабском.

Но врагов было слишком много. С обоих концов узкого ущелья показались тяжелые джипы с установленными на турелях пулеметами. Мы были зажаты в тиски. Нас расстреливали как в тире.

Эмир тяжело привалился к скале рядом со мной. Его дыхание стало хриплым, пистолет щелкнул впустую — кончились патроны. Он отбросил оружие. Он посмотрел на меня и оскалился, обнажив зубы. Так смотрит человек, который заберет с собой в ад столько врагов, сколько сможет.

Он сунул окровавленную руку под плащ и вытащил ракетницу. Направив ее в узкую полоску неба между скалами, он выстрелил.

Яркая красная сигнальная ракета со свистом взмыла вверх, заливая ущелье кровавым светом.

Я успела вдохнуть и сжать его здоровую руку. Наемники в джипах победно засмеялись, наводя пулеметы для финального залпа.

А затем скалы содрогнулись. По ущелью разнесся низкий, ритмичный, нарастающий гул, от которого завибрировали камни под моими ногами.

На гребнях дюн, окружавших ущелье, появились всадники. Сотни всадников. Огромная армия бедуинов. Ветер развеивал их зеленые и черные знамена. По тому, как быстро они ответили на ракету, я поняла: подкрепление было рядом.

С пронзительным, ледящим кровь боевым кличем они лавиной обрушились в ущелье. С гребней заговорили винтовки. Всадники ударили по джипам сзади, пока люди Малика поднимались из укрытий. Они смели наемников и их бронированные джипы за считанные минуты, рубя мечами и расстреливая в упор.

Шум боя стих так же внезапно, как и начался, сменившись стоном умирающих и ржанием взмысленных коней.

Адреналин, державший Эмира на ногах, иссяк. Непобедимый владыка песков, альфа, чье имя наводило ужас, медленно осел, заваливаясь вперед.

Я бросилась к нему, подхватывая его тяжелое, обмякающее тело.

Мы рухнули на пропитанный кровью песок. Я уложила его голову себе на колени. Мои руки скользили в его крови. Я дрожащими пальцами разорвала ткань его рубашки на плече, обнажив рваные раны входа и выхода. Я выхватила из аптечки бинты и начала отчаянно, жестко тампонировать раны, наваливаясь на них всем своим весом, чтобы остановить кровопотерю.

Мои руки были красными по локоть. Его кровь высыхала на моей коже. Я прижимала бинты к ране, чувствуя под ладонями его жизнь, и боялась потерять её сильнее, чем боялась его самого.

Его ресницы дрогнули. Эмир с трудом приоткрыл глаза. Я наклонилась ближе и почувствовала его горячее, прерывистое дыхание на щеке. Бледность стерла с его лица маску бога, сделав его пугающе человеческим. Но его глаза...

Его черные глаза впились в мое лицо. В них полыхал огонь собственника, настолько яркий и жадный, что он прожигал меня насквозь. Его окровавленная рука медленно поднялась. Пальцы слабо, но непреклонно сжали ворот моего изорванного халата, притягивая меня на дюйм ближе.

Я наклонилась к нему, придерживая повязку. Этот взгляд я уже умела читать. Я спасла его, а он всё равно держал меня как свое. Мне казалось, его право песков стало только крепче. Теперь между нами была кровь.

Гвардейцы почтительно расступились, пропуская носилки. Эмира осторожно переложили на них.

Караван возобновил движение. Мы выходили из кровавого ущелья. Я сидела в седле, следуя за его носилками, и смотрела на свои красные руки, снова и снова разжимая пальцы.

За поворотом скал пейзаж разительно изменился. Враждебные дюны внезапно расступились, открывая вид на бескрайнее море зелени. Высокие пальмы, запах жасмина, прохладное дыхание воды. Великий Оазис. Сердце его империи.

В сумерках он казался сказочным городом. Тысячи роскошных шатров из лучшего шелка, факелы, отражающиеся в зеркалах бассейнов, звуки музыки.

Это было потрясающе красиво. И это была золотая клетка.

Наемники были мертвы. Смертельный переход через пустыню завершился. Но, глядя на раскинувшуюся передо мной роскошь, я понимала леденящую душу правду. Настоящая война за мою свободу — жестокая война с его миром, его правилами и с моим собственным, предательски замирающим при его взгляде сердцем — только начиналась.

Глава 4

Я шла за слугой по мозаичной дорожке к своему шатру. Великий Оазис раскинулся среди дюн городом-государством; я чувствовала себя инопланетянкой, потерпевшей крушение на другой планете. Воздух здесь был густым, напоенным ароматами жасмина, цветущих гранатов и чего-то неуловимо пряного. Под ногами вместо раскаленного песка лежали дорожки из цветной мозаики.

Шатёр, отведенный мне, больше походил на дворец из сказок «Тысячи и одной ночи», только возведенный из тяжелого бордового шелка и верблюжьей шерсти. Внутри было прохладно. На полу лежали ковры такой толщины, что нога утопала в них по щиколотку. В центре журчал небольшой фонтанчик с питьевой водой.

Следом за мной внутрь бесшумно скользнули четыре женщины с закрытыми лицами. Они внесли тяжелые сундуки из темного дерева, окованные медью, и начали молча распаковывать их. Шелковые платья, расшитые золотом туники, полупрозрачные шальвары водопадом полились на ковры.

Старшая служанка, чье лицо было покрыто сложной вязью татуировок, подошла ко мне, держа в руках потрясающей красоты изумрудное платье. Она сделала жест, приказывая мне снять мои пыльные, пропитанные потом и кровью Эмира походные брюки и изорванный халат.

— Я не надену это, — сказала я, отступая на шаг и отводя ее руку с платьем. Мой голос прозвучал глухо среди звона посуды и шороха шелков.

Служанка нахмурилась, ее черные глаза сузились. Она зашипела что-то на арабском, в тоне явно слышалась угроза гневом господина. Я была трофеем, а трофей должен сверкать.

Я подошла к ней, резко выхватила изумрудное платье из ее рук. Шелк скользнул по пальцам, как прохладная вода. Ткань была настолько длинной, что в ней можно было только красиво лежать на подушках или семенить крошечными шажками. Я прикинула ширину шага: ноги вязли бы в этом подоле.

Я нащупала край подола, крепко сжала его двумя руками и с силой дернула в разные стороны.

Оглушительный треск рвущегося драгоценного шелка эхом отскочил от стен шатра. Служанки ахнули, в ужасе отшатнувшись. Я надорвала ткань у бокового шва и оторвала нижнюю часть подола, превратив парадное одеяние в тунику длиной до колен. В ней можно было бежать. Я переделалась за ширмой, оставив брюки; скальпель спрятала во внутренний карман поясной ленты.

Не успели они прийти в себя, как полог шатра откинулся. Вошел молодой, испуганный посыльный. Он низко поклонился, не поднимая глаз, и протянул мне открытую бархатную шкатулку. На черном бархате, как капли свежей крови, лежало тяжелое ожерелье из негранных рубинов. Подарок Эмира. Плата за спасенную в ущелье жизнь.

Я взяла шкатулку, вышла из шатра, догнала посыльного и с силой втиснула бархат обратно ему в руки.

— Передай своему господину, что я не продаюсь. Ни за рубины, ни за весь этот оазис, — процедила я так, чтобы он точно понял интонацию, даже если не знает языка.

Посыльный побледнел и растворился в сумерках.

Я вернулась в шатер и успела только сложить испорченный халат. Полог резко отбросило в сторону.

На пороге стоял Эмир. Его левая рука после ранения плеча покоилась на черной шелковой перевязи, туго притянутая к груди. Он задержался у входа, бережно удерживая левое плечо, затем шагнул ко мне. Шатер сразу стал тесным. От него исходила волна такой темной, подавляющей ярости, что воздух в шатре мгновенно нагрелся.

— Ты отвергаешь мои дары на глазах у моих слуг, — он говорил сквозь стиснутые зубы, и каждое слово я слышала отчетливо. — Ты забываешь, хабибти, по каким законам живет этот лагерь.

Я вскинула голову, уперев пятки в ковер.

— Твои законы меня не касаются! — выпалила я, чувствуя, как адреналин снова бьет по венам. — Я требую спутниковый телефон. Моя семья, моя клиника — они должны знать, что я жива! Если ты не бандит с большой дороги, дай мне связь!

Он смотрел на меня сверху вниз долгую, мучительную секунду. А затем его правая, здоровая рука скользнула в складки его плаща. Он вытащил мой мобильный телефон — тот самый, который был со мной во время похищения.

Мое сердце подпрыгнуло от надежды.

Эмир медленно поднял телефон на уровень моих глаз. Затем ударил его ребром о центральный столб шатра. Экран треснул. Он бросил аппарат к моим ногам и раздавил каблуком.

Я задохнулась от возмущения и обиды, готовая броситься на него с кулаками.

Он сунул руку в карман и небрежно бросил на толстый ковер связку ключей на массивном металлическом кольце. Они упали с тяжелым звоном.

— Это ключи от стационарной спутниковой станции лагеря, — произнес он, его черные глаза гипнотизировали меня. — Заслужи их послушанием, хабибти.

Я инстинктивно дернулась вперед, чтобы схватить ключи.

Он оказался быстрее. Его здоровая рука метнулась, как бросок кобры, перехватывая меня за талию. Он дернул меня на себя. Моя грудь с силой впечаталась в его твердое тело. Я инстинктивно уперлась руками в его плечи, забыв о его ране, пытаюсь оттолкнуться.

Его рот дернулся от боли. Он перехватил мои кисти здоровой рукой, рывком поднял их над моей головой и вжал меня спиной в массивный центральный деревянный столб шатра.

Я оказалась в абсолютной ловушке. Его бедра плотно прижимали мои ноги, его дыхание опаляло мое лицо. Жар его тела проникал сквозь ткань, заставляя мою кожу гореть. Близость была настолько удушающей, настолько физически осязаемой, что у меня потемнело в глазах.

— Ты дикая, — прошептал он, его губы оказались в миллиметре от моих. Его голос вибрировал от сдерживаемой страсти, от которой у меня подкосились бы ноги, если бы он не держал меня так крепко. — Мне это нравится. Но я сломаю твою гордость.

Он резко отпустил меня, нагнулся, поднял ключи и вышел, оставив меня глотать раскаленный воздух, дрожащую и злую не столько на него, сколько на саму себя — за то, что мое сердце в его руках колотилось не только от страха.

Я подождала, пока шаги за пологом стихнут, затем отсчитала еще полчаса и выскользнула из шатра. Оазис спал, но периметр был живым. Я пробиралась в тених раскидистых пальм, изучая расстановку сил. Два кольца охраны. Костры, патрули с собаками. У восточного выхода я наткнулась на скрещенные древки копий.

Двое рослых стражников преградили мне путь.

— Госпоже запрещено покидать оазис, — произнес один из них без тени враждебности, но с каменной непреклонностью.

Я попыталась пройти напролом, но они просто сомкнули щиты. Древки уперлись в мои плечи. Я отступила, чтобы они убрали оружие, затем еще раз оглядела ворота. Золотая клетка была заперта наглухо.

Вернувшись в шатер, я вытащила из очага холодный уголек и принялась рисовать план лагеря на изнанке разорванного шелкового подола. Патрули, слепые зоны, расположение конюшен.

Краем глаза я уловила неверную тень на ткани шатра. Кто-то подсматривал в щель.

Я резко обернулась. Молодая девчонка в богатых одеждах служанки попыталась отшатнуться, но я прыгнула вперед, как кошка, перехватывая ее за руку сквозь прорезь в ткани. Она завизжала, пытаясь вырвать мою "карту", но я жестко выкрутила ей кисть.

— Кто тебя подослал? — прошипела я.

Она вырвалась, оставив в моих руках кусок ткани, и растворилась в ночи, бросив на ходу грязное проклятие. Мой план был раскрыт. За мной следили даже внутри отведенного мне шатра.

Я свернула испорченный шелк с картой и спрятала его под матрас. Затем перетащила сумку ближе к постели, села лицом к пологу и до рассвета прислушивалась к шагам.

Утро началось с визита. Высокий евнух в белых одеждах сухо сообщил, что Валиде Мириам — мать Эмира и матриарх клана аль-Мансур — требует моего присутствия на женской половине.

Это был вызов.

Женская половина встретила меня удушливым запахом тяжелого мускуса, благовоний и сладких духов. Шатры здесь были соединены переходами, создавая запутанный лабиринт. Меня ввели в центральный, самый роскошный шатер.

На возвышении из бархатных подушек восседала женщина с хищным, высохшим лицом и глазами, черными и холодными, как обсидиан. Шейха Мириам аль-Мансур. Валиде. Матриарх клана. По бокам от нее стояли вооруженные стражницы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.